Максим БУЕВ,
профессор прикладных финансов, декан экономического факультета, Европейский университет в Санкт–Петербурге

Смена мирового порядка: Китай 2.0 и системный хаос

Первый в новом году номер Cbonds Review по традиции выходит с прогнозами о том, что готовят ближайшие 12 месяцев участникам рынка. Следуя традиции, я собирался выступить с колонкой на тему финтеха, робоадвайзинга и уберизации финансов. Тем более, что 2017 год обещает быть поистине революционным в этих аспектах. Однако произошло событие, натолкнувшее меня на мысль о том, что юбилейный сотый номер журнала, возможно, заслуживает статьи с прогнозом на чуть более отдаленную перспективу, чем ближайший год. Событием этим был очередной Всемирный экономический форум в Давосе, на котором впервые за годы существования саммита появился сам генсек Центрального комитета Коммунистической партии Китая.

Господин Си Цзиньпин не просто присутствовал, но и выступил на форуме с яркой речью, которая побудила многие мировые СМИ писать о де-факто происходящей смене мирового порядка. На этом фоне отечественные комментаторы либо отмалчивались, либо выступали как-то неубедительно. Возможно, что причиной тому была свойственная нам, русским, привычка бояться Востока и в то же время не воспринимать его всерьез или даже относиться к нему с неким пренебрежением. Ну выступил президент Китая, ну вещал про глобализацию, инклюзивность, экологию, и что? Для осознания исторической важности момента я и предлагаю на ваш суд свое мнение, которое является расширенной версией моей колонки, опубликованной в газете «Ведомости» в январе 2017 года.

В первые годы после краха Lehman Brothers в 2008 году в мировых СМИ появлялось много публикаций, аргументирующих необходимость удержать мировую экономику от скатывания в состояние валютных войн и повсеместного применения политиками протекционистских мер. Считалось, что в противном случае отсутствие координации экономических политик по выходу из кризиса в разных странах неминуемо привело бы к коллапсу международной торговли и усугубило бы последствия кризиса. Именно попытки центральных банков основных капиталистических держав манипулировать процентными ставками в условиях золотого стандарта, а затем и курсами национальных валют по отношению к золоту, а также прямое введение ограничительных тарифов и импортных пошлин превратили финан-

совый крах 1929 года в то, что теперь нам известно как «Великая депрессия».

Об этом в книге «Lords of Finance: The Bankers Who Broke the World» очень увлекательно писал Лиакват Ахамед, американский финансист индийского происхождения. Книга принесла Ахамеду Пулитцеровскую премию 2010 года по истории и массу других престижнейших наград, включая победу в номинации «Лучшая бизнес-книга 2009 года по версии газеты Financial Times и инвестиционного банка Goldman Sachs». Позднее, в 2011 году в статье «Currency Wars Then and Now» для журнала Foreign Affairs Ахамед отмечал, что Великая депрессия произошла в 1930-х годах еще и потому, что на мировой арене образовался своеобразный вакуум лидерства. До Первой мировой войны глобальная экономика работала без сбоев, поскольку Великобритании — в то время ключевому игроку мировой финансовой системы — было выгодно исполнять роль лидера. После войны страна оказалась на грани банкротства и была уже не в состоянии вести мировую экономику за собой. В 1918 году или вскоре после этого желтая майка лидера должна была перейти к США. Однако американские политики страдали местечковым кругозором и были слишком озабочены делами внутри страны, чтобы воспользоваться прекрасной возможностью заявить о США как о новой супердержаве. Так, по выражению Ахамеда, Лондон был уже не в состоянии, а Вашингтон еще не испытывал такого желания.

Подобные периоды смены режимов, закат одного центра мировой экономики и возникновение другого подробно изучались известным итальянским экономистом Джованни Арриги. Отталкиваясь от идей французского историка Фернана Броделя о взаимодействии цивилизаций и мир-системной теории американского социолога Иммануила Валлерстайна, Арриги предложил теорию циклического развития капитализма. Согласно этой теории, на протяжении веков смена одного миропорядка другим сопровождалась интересной особенностью — небывалым ростом финансового сектора в стане увядающего лидера.

По наблюдению Арриги, еще Бродель заметил тот факт, что финансовая экспансия является признаком зрелости определенной фазы капиталистического развития. В этой фазе роль главных игроков в экономике страны-лидера постепенно переходит от коммерсантов к банкирам. А сама страна начинает играть роль финансиста во всей мировой системе. Раз за разом эта история повторялась при переходе от экономической гегемонии Венеции в XV веке к гегемонии Генуи в XVI веке, от Генуи к лидерству Нидерландов в XVIII веке, от Нидерландов к доминированию Британии в XIX веке и, наконец, от Британии к превосходству США в XX веке.

Это разрастание финансового сектора в момент смены лидерства Арриги объяснял просто: исчерпав очевидные возможности накапливать капитал за счет извлечения прибыли в реальном секторе, экономика страны-лидера переходила в режим обслуживания этого капитала, предложения разнообразных финансовых услуг, финансового посредничества и спекуляций. Это ознаменовывало собой «сигнальный кризис» — начало смены миропорядка и перехода экономической гегемонии к новому лидеру. Переход заканчивался «терминальным кризисом», который погружал всю мировую экономику на некоторое время в хаос.

В XXI ВЕКЕ КИТАЙ ПРОСТО ОТЫГРЫВАЕТ ПОТЕРЯННЫЕ ПОЗИЦИИ — ОН ВОЗВРАЩАЕТСЯ В НОВОЙ ВЕРСИИ

Каждый такой последовательный цикл капиталистического развития сопровождался двумя важными явлениями. Во-первых, происходило чередование режимов накопления капитала, различных по интенсивности процесса. Арриги говорил об «интенсивном» и «экстенсивном» режимах. В интенсивном режиме страна-лидер вела себя на мировой арене как госмонополия, являлась своеобразной национальной корпорацией в масштабах всего мира. В экстенсивном режиме страна-лидер создавала так называемый космополитический капитализм — капитализм для всех. Так, Генуя и Британия развивали мировую экономику в традициях космополитического капитализма, при котором рынки, организации, управленческие стратегии и бизнес-практики могли иметь сложную и разнообразную структуру. А Венеция, Нидерланды и США организовывали мировые рынки так, что на них доминировали иерархические и бюрократические корпоративные структуры.

Во-вторых, каждый переход лидерства сопровождался интернализацией новым режимом каких-нибудь издержек, которые предыдущий режим вынужден был в явном виде нести (то есть они были внешними по отношению к тому режиму). Например, Генуэзская республика покупала военную протекцию более сильных государств, военные издержки не были интернализованы. Эту задачу решила Республика Соединенных Провинций Нидерландов, создав сильную армию, завоевав независимость от Испанской империи и успешно воюя с Англией и Францией. Британия пошла дальше и интернализовала еще и издержки производства: обширный доступ к человеческим и природным ресурсам всей Британской империи гарантировал новому режиму самодостаточность, которой не было у Нидерландов. Наконец, США смогли дополнительно интернализовать транзакционные издержки: научились создавать рынки за пределами метрополии и быстро перемещать на эти рынки капитал, когда возможностей для его экспансии на главном рынке становилось меньше.

Об этом подробно рассказывается в монографии Арриги «Долгий двадцатый век», впервые опубликованной в 1994 году. Там же высказывалось предположение, что сигнальным кризисом, ознаменовавшим начало заката «эры США», был распад Бреттон-Вудской системы в начале 1970-х годов, после чего последовала небывалая либерализация финансового сектора. Арриги считал, что в первой четверти XXI века мы станем свидетелями терминального кризиса прежней системы миропорядка, после чего экономическая гегемония перейдет от США в Юго-Восточную Азию, в частности в Китай. Двадцать с лишним лет назад такая мысль была далеко неочевидной, поскольку роль лидера в Азии тогда однозначно приписывалась Японии.

Переход к новому порядку, согласно теории, должен был характеризоваться

двумя вещами. Во-первых, новый режим должен быть экстенсивным — создавать капитализм для всех. Во-вторых, новый режим должен интернализовать издержки воспроизводства, то есть создать экологически и социально устойчивый капитализм. Это означает, что при новом порядке лидер явным образом будет показывать всему миру пример, заботясь об экологически чистом производстве, инклюзивности на рынке труда, снижении экономического неравенства и тому подобном.

Ничего не напоминает? Да, именно глобализации и социально-экологической устойчивости нового капитализма была посвящена речь товарища Си Цзиньпина в Давосе. Поразительно, насколько риторика этого политика вторила теоретическим предсказаниям, сделанным Арриги почти четверть века назад. Возможно, что советники генсека ЦК КПК хорошо знакомы с трудами итальянского ученого: на Арриги огромное влияние оказали труды Карла Маркса и итальянского философа и теоретика марксизма Антонио Грамши. В таком случае совпадение неслучайно. Однако удивительна также и реакция мировой прессы, согласно которой мы уже несколько недель живем при новом мировом порядке.

Из истории, однако, мы знаем, что смена одного режима другим часто (если не всегда) наступала после какой-либо масштабной войны. Именно так, например, Вашингтон принял мантию лидера от Лондона лишь после Второй мировой войны и Бреттон-Вудской конференции. Как произойдет переход к новому мировому порядку в этот раз? Арриги предлагал три варианта.

Во-первых, США и Западная Европа, используя свое военное превосходство, могут попытаться создать предпосылки для регулярного извлечения из центров экономической активности в Юго-Восточной Азии чего-то вроде платы за военную протекцию. Иными словами, США в полной мере разыграют свою роль мирового полицейского. Если бы такой вариант оказался приемлемым для Китая, то впервые в истории возникла бы глобальная капиталистическая империя под предводительством США и Европы.

В случае если бы подобные попытки не увенчались успехом или вообще не предпринимались, то другим вариантом развития событий стал бы плавный переход к космополитическому капитализму для всех. В новой системе лидирующие позиции занимал бы Китай, а также старые центры — США и Европа, однако гегемония бы зиждилась не на военной мощи, как в прошлом, а на взаимном уважении мировых культур и цивилизаций.

Наконец, третьим вариантом могло быть погружение мировой экономики в бесконечный системный хаос. Здесь Арриги перефразировал австрийского экономиста Йозефа Шумпетера: «До того момента, как человечество задохнется (или будет петь) в темнице (в раю) глобальной империи с центром на Западе или всемирного рыночного общества с центром в Восточной Азии, оно вполне может сгореть в ужасах (или славе) эскалирующего насилия, которое сопровождает ликвидацию мирового порядка после окончания Холодной войны».

Очевидно, что роль мирового полицейского США до конца разыграть не дали, и здесь есть немалая заслуга нашей страны. Поэтому первый вариант развития событий — глобальная империя под предводительством старых лидеров — уже отпадает. Второй — мягкий переход в райские кущи — кажется слишком хорошим, чтобы быть правдой. Остается третий — системный хаос. Степень этого хаоса, со слов Арриги, должна зависеть от двух факторов. Первый — это упорство США в сохранении прежнего миропорядка и отказ принять как должное возникновение новых центров мировой экономической активности. Второй — это развитие институтов в Китае и готовность страны взять на себя роль лидера в мире.

В этом свете, перефразируя Ахамеда, Пекин уже готов вести мировую экономику вперед. Речь товарища Си Цзиньпина в Давосе не просто слова, которые расходятся с делом. Сайт Всемирного экономического форума приводит статистику, согласно которой, например, инвестиции Китая в источники возобновляемой энергии на данный момент составляют уже 36% мировых, в то время как доля США — только 15%. До 2020 года Китай собирается инвестировать еще $361 млрд в подобные источники (планы США пока не известны). Налицо мощные попытки нового лидера интернализировать отдельные издержки воспроизводства, как назвал бы их Арриги. Про перекройку правил игры международной торговли, создание новой синтетической резервной валюты, учреждение альтернативных банков реконструкции и развития и другие инициативы, в которых Китай принимает самое активное и лидирующее участие, мы слышим уже несколько лет, начиная с кризиса 2008 года, если не ранее. В конце концов, в восхождении Поднебесной нет ничего удивительного: Китай и Индия производили 70% мирового ВВП вплоть до начала XIX века. Об этом как-то писал журнал The Economist, популяризуя инфографику структуры мирового ВВП за 2000 лет, составленную Майклом Симбалестом, главой отдела рыночной и инвестиционной стратегии в JP Morgan Institutional Asset Management. В XXI веке Китай просто отыгрывает потерянные позиции — он возвращается в новой версии.

Гораздо большую тревогу при обсуждении возможности возникновения мирового системного хаоса должны вызывать реакция и действия США. Характер риторики нового президента Трампа как раз указывает на то, что США повторят классические ошибки экономических империй прошлого, замкнувшись на себе и не пытаясь способствовать мировой трансформации. Более того, как недавно в своей колонке на Project Syndicate писал Мохамед Эль-Эриан, главный экономический советник в Allianz и бывший CEO и CIO в PIMCO, отказ не только США, но и всех ведущих западных экономик от строительства глобальной экономики и выход некоторых из них из региональных торговых соглашений приведет к краху правил игры, установленных в рамках Бреттон-Вудской конференции 1944 года и последующих инициатив. Вместе с этим будут терять влияние и международные организации — детища Бреттон-Вудса, такие как Всемирный банк и МВФ.

Если эти тенденции продолжатся, то в ближнесрочной перспективе мировую экономику как минимум ожидает существенное снижение темпов экономического роста и усиление нестабильности на финансовых рынках. В более долгосрочной перспективе глобальной экономике придется решать проблемы системной фрагментации, распространения валютных и торговых войн. В общем, держитесь крепче: кажется, как и предполагал Арриги, нам все-таки придется пережить хаос.